

БУЛАТ
ОКУДЖАВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ ВАМ

БУЛАТ ОКУДЖАВА

***ПОСВЯЩАЕТСЯ
ВАМ***

СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1988

ББК 84 Р7
О-52

Художники
Александр ЛАВРЕНТЬЕВ и Ирина ПРЕСНЕЦОВА

4702010202—381
О ————— 221—88
083(02)—88
ISBN 5—265—00044—5

© Издательство
«Советский писатель», 1988

АРБАТСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Посвящаю Антону

**Упрямо я твержу с давнишних пор:
меня воспитывал арбатский двор,
всё в нем, от подлого до золотого.
А если иногда я кружева
накручиваю на свои слова,
так это от любви. Что в том дурного?**

**На фоне непросохшего белья
руины человеческого жилья,
крутые плечи дворника Алима...
В Дорогомилово из тьмы Кремля,
усы прокуренные шевеля,
мой соплеменник пролетает мимо.**

**Он маленький, немый и рябой
и выглядит растерянным и пьющим,
но суть его — пространство и разбой
в кровавой драке прошлого с грядущим.
Его клеветы топчутся в крови...
Так где же почва для твоей любви! —
вы спросите с сомнением, вам присущим.**

**Что мне сказать! Я только лишь пророс.
Еще далече до военных гроз.
Еще загадкой манит подворотня.
Еще я жизнь сверяю по двору
и не подозреваю, что умру,
как в том не сомневаюсь я сегодня.**

**Что мне сказать! Еще люблю свой двор,
его убогость и его простор,
и аромат грошового обеда.
И льну душой к заветному Кремлю,
и усача кремлевского люблю,
и самого себя люблю за это.**

**Он там сидит, изогнутый в дугу,
и глину разминает на кругу,
и проволочку тянет для основы.
Он лепит, обстоятелен и тих,
меня, надежды, сверстников моих,
отечество... И мы на все готовы.**

**Что мне сказать! На все готов я был.
Мой страшный век меня почти добил,
но речь не обо мне — она о сыне.
И этот век не менее жесток,
а между тем насмешлив мой сынок:
его не облапошить на мякине.**

**Еще он, правда, тоже хил и слаб,
но он страдалец, а не гордый раб,
небезопасен и небезоружен...
А глина ведь не вечный матерьял,
и то, что я когда-то потерял,
он в воздухе арбатском обнаружил.**

1980

* * *

Как время беспощадно,
дела его и свет.
Ну я умру, ну ладно —
с меня и спросу нет.

А тот, что с нежным пухом
над верхнею губой,
с еще нетвердым духом,
разбуженный трубой,—

какой счастливой схваткой
разбужен он теперь,
подкованною пяткой
захлопывая дверь!

Под звуки духовые
не ведая о том,
как сладко все впервые,
как горько все потом...

* * *

**Чувствую: пора прощаться.
Всё решительно к тому.
Не угодно ль вам собраться
у меня, в моем дому!**

**Будет ужин и гитара,
и слова под старину.
Я вам буду за швейцара —
ваши шубы отряхну.**

**И, за ваш уют радея,
как у нас теперь в ходу,
я вам буду за лакея
и за повара сойду.**

**Приходите, что вам стоит!
Путь к дверям не занесен.
Оля в холле стол накроет
на четырнадцать персон.**

**Ни о чем не пожалею,
и, с бокалом на весу,
я последней раз хорею
тост за вас произнесу.**

**Нет, не то чтоб перед светом
буйну голову сложу...
Просто, может, и поэтом
вам при этом послужу.**

**Был наш путь не слишком гладок.
Будет горек черный час...
Дух прозренья и загадок
пусть сопровождает нас.**

Б. Сарнову

**С последней каланчи, в Сокольниках стоящей,
никто не смотрит вдаль на горизонт горящий,
никто не смотрит вдаль, все опускают взор.
На пенсии давно усатый брандмайор.**

**Я плачу не о том, что прошлое исчезло:
ведь плакать о былом смешно и бесполезно.
Я плачу не о том, что кануло во мгле,
как будто нет услад и ныне на земле.**

**Я плачу о другом — оно покуда с нами,
оно у нас в душе, оно перед глазами,
еще горяч и свеж его прекрасный след —
его не скроет ночь и не проявит свет.**

**О чем бы там перо, красуясь, ни скрипело —
душа полна утрат, она не отскорбела.
И как бы ни лились счастливые слова —
душа полна потерь, хоть, кажется, жива.**

**Ведь вот еще вчера, крылаты и бывалы,
сидели мы рядком, и красные бокалы
у каждого из нас — в изогнутой руке...
Как будто бы пожар — в прекрасном далеке.**

**И на пиру на том, на празднестве тягучем
я, видно, был один, как рекрут, не обучен,
как будто бы не мы метались в том огне,
как будто тот огонь был неизвестен мне.**

ВОСПОМИНАНИЕ О ДНЕ ПОБЕДЫ

Была пора, что входит в кровь, и помнится, и снится.
Звенел за Сретенкой трамвай, светало на Мясницкой.
Еще пожар не отгудел, да я отвоевал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Живые бросились к живым, и было правдой это,
любили женщину одну — она звалась Победа.
Казалось всем, что всяк уже навек отгоревал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Он нашей собственностью был, и мы клялись Арбатом.
Еще не знали, кто кого объявит виноватым.
Как будто нас девятый вал отныне миновал
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Какие слезы на асфальт из круглых глаз катились,
когда на улицах Москвы в обнимку мы сходились —
и тот, что пули избежал, и тот, что наповал,—
в те дни, когда в Москве еще Арбат существовал.

Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых, сгорая в преддверии рая средь маршалов и рядовых, когда они шумной толпой, в сиянии огненных стрел, влекли и меня за собою... Я счастлив, что там не сгорел.

Из хроник, прочитанных мною, в которых — судьба и душа, где теплится пламя былое условно, почти не дыша, являются мне не впервые, как будто из чащи густой, то флаги любви роковые, то знаки надежды пустой,

то пепел, то кровь, а то слезы — житейская наша река. Лишь редкие красные розы ее украшают слегка. И так эта реченька катит, и так не устала катить, что слез никаких и не хватит, чтоб горечь утрат оплатить.

Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня!
Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня.
И так все сошлось, дорогая: наверно, я там не сгорел,
чтоб выкрикнуть здесь, догорая, про то, что другой не успел.

**Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал.
А может, это школьник меня нарисовал:
я ручками размахиваю, я ножками сучу,
и уцелеть рассчитываю, и победить хочу.**

**Ах, что-то мне не верится, что я, брат, убивал.
А может, просто вечером в кино я побывал!
И не хватал оружия, чужую жизнь круша,
и руки мои чистые, и праведна душа.**

**Ах, что-то мне не верится, что я не пал в бою.
А может быть, подстреленный, давно живу в раю,
и кущи там, и рощи там, и кудри по плечам...
А эта жизнь прекрасная лишь снится по ночам.**

* * *

**После дождичка небеса просторны,
голубей вода, зеленее медь.
В городском саду — флейты да валторны.
Капельмейстеру хочется взлететь.**

**Ах, как помнятся прежние оркестры,
не военные, а из мирных лет!
Расплескалася в улочках окрестных
та мелодия... А поющих нет.**

**С нами женщины. Все они красивы.
И черемуха — вся она в цвету.
Может, жребий нам выпадет счастливый:
снова встретимся в городском саду.**

**Но из прошлого, из былой печали,
как ни сетую, как там ни молю,
проливается черными ручьями
эта музыка прямо в кровь мою.**

ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР С СЫНОМ

**Мой сын, твой отец — лежебока и плут
из самых на этом веку.**

**Ему не знакомы ни молот, ни плуг,
я в этом поклясться могу.**

**Когда на земле бушевала война
и были убийства в цене,
он раной одной откупился сполна
от смерти на этой войне.**

**Когда погорельцы брели на восток
и участь была их горька,
он в теплом окопе пристроиться смог
на сытную должность стрелка.**

**Не словом трибуна, не тяжкой киркой
на благо родимой страны —
он все норовит заработать строкой
тебе и себе на штаны.**

**И все же, и все же не будь с ним суров
(не знаю и сам, почему),
поздравь его с тем, что он жив и здоров,
хоть нет оправданья ему.**

**Он, может, и рад бы достойней прожить
(далече его занесло),
но можно рубаху и паспорт сменить,
да поздно менять ремесло.**

1974

ПЕСЕНКА

**Совесь, благородство и достоинство —
вот оно, святое наше воинство.**

**Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.**

Лик его высок и удивителен.

Посвяти ему свой краткий век.

**Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.**

РАБОТА

**Жест. Быстрый взгляд. Движение души.
На кончике ресницы — влага.
Отточены карандаши,
и приготовлена бумага.**

**Она бела, прохладна и гладка.
Друзья примолкли сиротливо.
А перспектива так сладка
в зеленом поле объектива.**

**Определяю день и час,
события изобретаю,
как ворон, вытаращив глаз,
над жертвою очередной витаю.**

**Нелепо скрючена рука,
искажены черты и поза...
Но перспектива как сладка!
Какая вызревает проза!**

**Уж целый лист почти совсем готов,
и вдруг как будто прозреваю:
как нищ и беден мой улов,
не те цветы ищу я и срываю.**

**И жар ловлю не от того огня,
и лгу по мелочам природе...
Что стоит помолиться за меня!
Да нынче вам не до молитвы вроде.**

**И вновь: Я. Злость. И трепет у виска.
И пот... Какой квартет отличный!
А перспектива так близка,
и сроки жизни безграничны.**

**В день рождения подарок преподнес я сам себе.
Сын потом возьмет, озвучит и сыграет на трубе.
Сочинилось как-то так, само собою
что-то среднее меж песней и судьбою.**

**Я сижу перед камином, нарисованным в углу,
старый пудель растянулся под ногами на полу.
Пусть труба, сынок, мелодию сыграет...
Что из сердца вышло — быстро не сгорает.**

**Мы плывем ночной Москвою между небом и землей.
Кто-то балуется рядом черным пеплом и золой.
Лишь бы только в суете не доигрался...
Или зря нам этот век, сынок, достался?**

**Что ж, играй, мой сын кудрявый, ту мелодию в ночи,
пусть ее подхватят следом и другие трубачи.
Нам не стоит этой темени бояться,
но счастливыми не будем притворяться.**

**У Спаса на кружке забыто наше детство.
Что видится теперь в раскрытое окно!
Все меньше мест в Москве, где можно нам погреться,
все больше мест в Москве, где пусто и темно.**

**Мечтали зло унять и новый мир построить,
построить новый мир, иную жизнь начать.
Все меньше мест в Москве, где есть о чем поспорить,
все больше мест в Москве, где есть о чем молчать.**

**Куда-то все спешит надменная столица,
с которой давно мы перешли на «вы»...
Все меньше мест в Москве, где помнят наши лица,
все больше мест в Москве, где и без нас правы.**

* * *

Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем,
у каждой эпохи свои подрастают леса...
А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем
поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа.

Теперь нам не надо по улицам мыкаться ощупью.
Машины нас ждут, и ракеты уносят нас вдаль...
А все-таки жаль, что в Москве больше нету извозчиков,
хотя б одного, и не будет отныне... А жаль.

Я кланяюсь низко познания морю безбрежному,
разумный свой век, многоопытный век свой любя...
А все-таки жаль, что кумиры нам сняты по-прежнему
и мы до сих пор все голопами числим себя.

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
мы все обрели: и надежную пристань, и свет...
А все-таки жаль — иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед.

Москва, ты не веришь слезам — это время проверило.
Железное мужество, сила и стойкость во всем...
Но если бы ты в наши слезы однажды поверила,
ни нам, ни тебе не пришлось бы грустить о былом.

Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу.
И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергееч прогуливается...
Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдет.

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

**Не укрывать, не утаить, а напротив, пусть несмело,
тайну сердца, тайну жизни вам доверить я хотел,
откровенный свой рассказ прерывая то и дело,
ночь пока не отгорела, дождь пока не отшумел.**

**Но за этот подвиг мой без притворства и коварства
и за это вдохновенье без расчета и вранья
слишком горькая на вкус, как напрасное лекарство,
эта поздняя надежда отказалась от меня.**

**И осталось, как всегда, непрочитанное что-то
в белой книге ожиданий, в черной книге праздных дел...
Тонких листьев октября позолота.**

**Жить охота,
жизнь пока не облетела, свет пока не отгорел.**

МОЙ ОТЕЦ

Он был худощав и нависывал старый, давно позабытый мотив, и к жесткому чубчику ежеминутно его пятерня прикасалась. Он так и запомнился мне на прощанье, к порогу лицо обратив, а жизнь быстротечна, да вот бесконечной ему почему-то казалась.

Его расстреляли на майском рассвете, и вот он уже далеко. Все те же леса, водопады, дороги и запахи акации острый. А кто-то ж кричал «Не убий!» одинокий... И в это поверить легко, но бредили кровью и мезтью святою все прочие братья и сестры.

И время отца моего молодого печальный развеяло прах, и нету надгробья, и памяти нигде над прахом склониться рыдая. А те, что виновны в убийстве, и сами давно уже все в небесах. И там, в вышине, их безвестная стая кружится, редея и тая.

В учебниках школьных покуда безмолвны и пуля, и пламя, и плеть, но чье-то перо уже пишет и пишет о том, что пока безымянно. И нам остается, пока суд да дело, не грезить, а плакать и петь. И слезы мои солонны и горячи. И голос прекрасен... Как странно!

* * *

**Убили моего отца
ни за понюшку табака.
Всего лишь капелька свинца —
зато как рана глубока!**

**Он не успел, не закричал,
лишь выстрел треснул в тишине.
Давно тот выстрел отзвучал,
но рана та еще во мне.**

**Как эстафету прежних дней
сквозь эти дни ее несу.
Наверно, и подохну с ней,
как с трехлинейкой на весу.**

**А тот, что выстрелил в него,
готовый заново пальнуть,
он из подвала своего
домой поехал отдохнуть.**

**И он вошел к себе домой
пить водку и ласкать детей,
он — соотечественник мой
и брат по племени людей.**

**И уж который год подряд,
презревши боль былых утрат,
друг друга братьями зовем
и с ним в обнимку мы живем.**

1966

ПИСЬМО К МАМЕ

**Ты сидишь на нарах посреди Москвы.
Голова кружится от слепой тоски.
На окне — намордник, воля — за стеной,
ниточка порвалась меж тобой и мной.
За железной дверью топчется солдат...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.**

**Следователь юный машет кулаком.
Ему так привычно звать тебя врагом.
За свою работу рад он попотеть...
Или ему тоже в камере сидеть!
В голове убогой — трехэтажный мат...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.**

**Чуть за Красноярском — твой лесоповал.
Конвоир на фронте сроду не бывал.
Он тебя прикладом, он тебя пинком,
чтоб тебе не думать больше ни о ком.**

**Тулуп на нем жарок, да холоден взгляд..
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.**

**Вождь укрылся в башне у Москвы-реки.
У него от страха паралич руки.
Он не доверяет больше никому,
словно сам построил для себя тюрьму.
Всё ему подвластно, да опять не рад...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.**

1975

* * *

**Стоит задремать немного,
сразу вижу Самого.
Рядом, по ранжиру строго,
собутельнички его.**

**Сталин трубочку раскурит —
станут листья опадать.
Сталин бровь свою нахмурит —
трем народам не бывать.**

**Что ничтожный тот комочек
перед ликом всей страны!
А усы в вине намочит —
все без удержу пьяны.**

**Вот эпоха всем эпохам!
Это ж надо — день ко дню,
пусть не сразу, пусть по крохам,
обучала нас вранью.**

**И летал усатый сокол,
целый мир вгоняя в дрожь.
Он народ ценил высоко,
да людей не ставил в грош.**

**Нет, ребята, вы не правы
в объясненьи прошлых драм,
будто он для нашей славы
нас гонял по лагерям.**

**С его именем ходили
(это правда) на врага,
но ведь и друг дружку били
(если правда дорога).**

**А дороги чем мостили!
А за все платили чем!
Слишком быстро все простили,
позабыли между тем...**

**Нет, ребята, хоть упрямы
демонстрации любви,
но следы минувшей драмы
все равно у нас в крови.**

**Чем история богата,
тем и весь народ богат...
Нет, вы знаете, ребята,
Сталин очень виноват.**

Ю. Карякину

**Ну что, генералиссимус прекрасный,
потомки, говоришь, к тебе пристрастны!
Их ни угомонить, ни упросить...
Одни тебя мордуют и поносят,
другие все малюют, и возносят,
и молятся, и жаждут воскресить.**

**Ну что, генералиссимус прекрасный!
Лежишь в земле на площади на Красной...
Уж не от крови ль красная она,
которую ты пригоршнями пролил,
пока свои усы блаженно холил,
Москву обозревая из окна!**

**Ну что, генералиссимус прекрасный!
Твои клешни сегодня безопасны —
опасен силуэт твой с низким лбом.
Я счета не веду былым потерям,
но, пусть в своем возмездье и умерен,
я не прощаю, помня о былом.**

1981

* * *

**Собрался к маме — умерла,
к отцу хотел — а он расстрелян,
и тенью черного орла
горийского
весь мир застелен.**

**И, измаравшись в той тени,
нажравшись выкриков победных,
вот что хочу спросить у бедных,
пока еще бедны они:**

**собрался к маме — умерла,
к отцу подался — застрелили...
Так что ж спросить-то позабыли,
верша великие дела:
отец и мать нужны мне были!..
...В чем философия была!**

1983

* * *

Не слишком-то изыскан вид за окнами,
пропитан гарью и гнилой водой.
Вот город, где отца моего кокнули.
Стрелок тогда был слишком молодой.

Он был обучен и собой доволен.
Над жертвою в сомненьях не кружил.
И если не убит был алкоголем,
то, стало быть, до старости дожил.

И вот теперь на отдыхе почетном
внучат лелеет и с женой в ладу.
Прогулки совершает шагом четким
и вывески читает на ходу.

То в парке, то на рынке, то в трамвае
как равноправный дышит за спиной.
И зла ему никто не поминает,
и даже не обходят стороной.

Иные времена, иные лица.
И он со всеми как навеки слит.
И у него в бумажнике — убийца
пригрелся и усами шевелит.

**И, на тесемках пестрых повисая,
гитары чьи-то в полночи бренчат,
а он все смотрит, смотрит, не мигая,
на круглые затылочки внучат.**

1966

ЗВЕЗДОЧЕТ

**Что в подзорные трубы я вижу,
поднимаясь на башню во мгле!
Почему так печально завишу
от чего-то бывшего во мне!**

**И, смотря с высоты виновато
на уснувшую пропасть Арбата,
отчего так поспешно и вдруг
инструмент выпускаю из рук!**

**Спят в постелях своих горожане,
спят с авоськами, спят с гаражами,
спят тревожно на правом боку...
Изготовилось тело к прыжку.**

**Вон из пятен ночного тумана
появляется вдруг вдалеке
моя стройная старая мама —
чемоданчик фанерный в руке.**

**Он, пожалуй, минувшая мода,
но внутри, словно в дебрях комода,
что давно развалиться готов,
фотографии прежних годов.**

**Память, словно ребенок, ранима
и куда-то зовет и зовет...**

**Все печально, что катится мимо,
все банально, что вечно живет.**

**И живу я вот с этой виною
на двадцатом ее этаже
между тою и этой войною,
не умея спуститься уже.**

* * *

**Как мне нравится по Пятницкой в машине проезжать!
Восхищения увиденным не в силах я сдержать.**

**Кораблями из минувшего плывут ее дома,
будто это и не улица — история сама.**

**Но когда в толпе я шествую по улицам Москвы,
не могу сдержать отчаянья, и боли, и тоски.**

**Мои тонкие запястья пред глазами скрещены,
будто мне грозят несчастья с той и с этой стороны.**

**Как нелепа в моем возрасте, при том, что видел я,
эта странная раздвоенность, растерянность моя,**

**эта гордая беспомощность как будто на века
перед этой самой Пятницкой, счастливой, как река.**

* * *

**Переулоч Божественным
назван мной для чего!
Чтобы слогом торжественным
возвеличить его!**

**Для того, чтоб из вымысла
на московскую твердь
как волной его вынесло
посять, пошуметь!**

**Видно, прозвище прежнее
без опоры в судьбе:
так, пустое, небрежное,
ни тебе — ни себе.**

**Видно, прежнее прозвище —
как чужак меж людьми:
у него не допросишься
ни воды, ни любви...**

**А в сегодняшнем имени
есть сиянье из тьмы,
что-то доброе, сильное,
что утратили мы.**

**Просто есть в нем для города
не на год, не на час
что-то вечное, гордое,
словно это про нас.**

* * *

О. В. Волкову

**Гомон площади Петровской,
Знаменка, Коровий вал —
драгоценные обноски...
Кто их с детства не знал!**

**Кто Пречистенки не холил,
Божедомки не любил,
по Варварке слез не пролил,
Якиманку позабыл!**

**Сколько лет без меры длился
этот славный карнавал!
На Покровке я молился,
на Мясницкой горевал.**

**А Тверская, а Тверская,
сея праздник и тоску,
от себя не отпуская,
проводила сквозь Москву.**

**Не выходят из сознания
(хоть иные времена)
эти древние названья,
словно дедов имена.**

**И живет в душе, не тая,
пусть нелепа, да своя,
эта звонкая, святая,
поредевшая семья.**

**И в мечте о невозможном
словно вижу наяву,
что и сам я не в Безбожном,
а в Божественном живу.**

СЕНТЯБРЬ

**Чем дальше от Москвы, тем чище дух крестьянства,
тем голубей вода, тем ближе к небесам.**

**Гармоники лесной завидно постоянство,
и гармониста чуб склоняется к басам.**

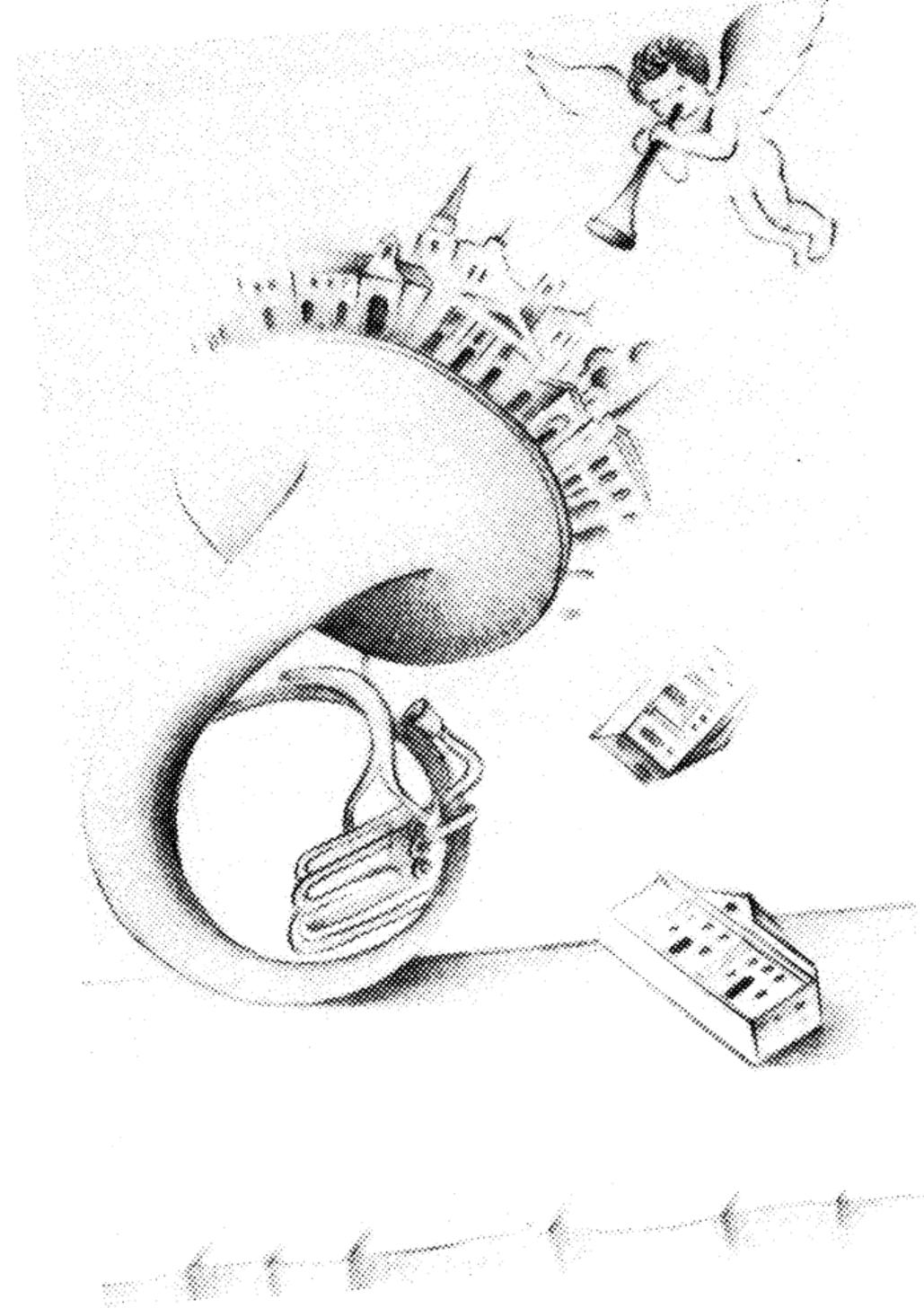
**Мелькают пальцы в ряд, рискованно и споро,
рождается мотив в сентябрьском огке,
и синие глаза как синие озера...**

Но бремя тяжких дум на их песчаном дне.

Как сладко в том краю, чужих невзгод не зная.

Чем ближе к небесам — тем ненаглядней твердь.

**И плачет о своем гармоника лесная,
и на ее слезу попробуй не ответь.**

* * *

**В чаду кварталов городских,
среди несметных толп людских
на полдороге к раю
звучит какая-то струна,
но чья она, о чем она,
кто музыкант — не знаю.**

**Кричит какой-то соловей
отличных городских кровей,
как мальчик, откровенно:
«Какое счастье — смерти нет!
Есть только тьма и только свет
всегда попеременно».**

**Столетия строгого дитя,
он понимает не шутя,
в значении высококом:
вот это — дверь, а там — порог,
за ним — толпа, над ней — пророк
и слово — за пророком.**

Как прост меж тьмой и светом спор!
И счастлив я, что с давних пор
все это принимаю.
Хотя, куда ты ни взгляни,
кругом пророчества одни,
а кто пророк — не знаю.

1963

* * *

**Я умел не обольщаться
даже в юные года.
Но когда пришлось прощаться,
и, быть может, навсегда,**

**тут уж не до обольщений
в эти несколько минут...
Хоть бы выпросить прощенье,
знать бы, где его дают.**

**Не скажу, чтоб стал слезливей
с возрастом, но всякий раз
кажется, что мог счастливей
жребий выпросить у вас.**

**Впрочем, среди великолепий,
нам дарованных судьбой,
знать, и вам не выпал жребий
быть счастливее со мной.**

* * *

**Взяться за руки не я ли призывал вас, господи!
Отчего же вы не вслушались в слова мои, когда
кто-то властный наши души друг от друга уводил!..
Чем же я вам не потрафил! Чем я вам не угодил!**

**Ваши взоры, словно пушки, на меня наведены,
словно я вам что-то должен... Мы друг другу не должны.
Что мы есть! Всего лишь крохи в мутном море бытия.
Все, что рядом, тем дороже, чем короче жизнь моя.**

**Не сужу о вас с пристрастием, не рыдаю, не ору,
со спокойным вдохновением в руки тросточку беру
и на гордых тонких ножках семеню в святую даль.
Видно, все должно распасться. Распадайся же... А жаль.**

МОЙ ПОЧТАЛЬОН

Ю. Давыдову

**Всяк почтальон в этом мире, что общеизвестно,
корреспонденцию носит и в двери стучит.
Мой почтальон из другого какого-то теста:
писем ко мне не приносит, а только молчит.**

**Топчется в темной прихожей в молчании строгом,
круг оттоптал на пороге у самых дверей...
Радостный день и объятия там, за порогом,
горестный мрак и утрата в пещере моей.**

**Мой почтальон презирает меня и боится,
жаждет скорей от меня отбояриться, плут...
Там, за порогом, мелькают счастливые лица,
там ни о чем не жалеют и писем не ждут.**

**Вот наконец, изгибаясь и кланяясь, что ли,
словно спасаясь, бежит по обратной тропе...
Как он вздыхает легко, очутившись на воле!
Как ни о чем не жалеет, теряясь в толпе.**

* * *

**Сестра моя прекрасная, Натела,
прошли года, а ты помолодела —
так чист и ясен пламень глаз твоих...
Возьми родную речь, горбушку хлеба,
и эти облака, и это небо
и раздели на нас, на шестерых.**

**Вот заповедь ушедшего поэта,
чья песня до конца еще не спета.
Сестра моя, всё — только впереди!
Пускай завистникам пока неймется...
Галактион когда-нибудь вернется,
он просто задержался по пути.**

**Средь океана слов и фраз напрасных,
не столь прекрасных, сколько безопасных,
как острова лежат его слова,
спешит перо как будто пред грозою...
Его глаза подернуты слезою:
поэты плачут — нация жива.**

1967

ДЕТСТВО

**Я еду Тифлисом в пролетке.
Октябрь стоит золотой.
Осенние нарды и четки
повсюду стучат вразнобой.**

**Сапожник согнулся над хромом,
лудильщик ударил в котел,
и с уличным гамом и громом
по городу праздник пошел.**

**Уже за спиной Ортачала.
Кура пролегла стороной.
Мне только лишь три отстучало,
а что еще будет со мной!**

**Пустячное жизни мгновенье,
едва лишь запомнишь его,
но всюду царит вдохновенье,
и это превыше всего.**

**В застолье, в любви и коварстве,
от той и до этой стены,
и в воздухе, как в государстве,
все страсти в одну сведены.**

**Я еду Тифлисом в пролетке
и вижу, как осень кружит,
и локоть родной моей тетки
на белой подушке дрожит.**

ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК МОЕГО СЫНА

**Земля гудит под соловьями,
под майским нежится дождем,
а вот солдатик оловянный
на вечный подвиг осужден.**

**Его, наверно, грустный мастер
пустил по свету невзлюбя.
Спроси солдатика: «Ты счастлив!»
И он прицелится в тебя.**

**И в смене праздников и буден,
в нестройном шествии веков
смеются люди, плачут люди,
а он все ждет своих врагов.**

**Он ждет упрямо и пристрастно,
когда накинута трубя...
Спроси его: «Тебе не страшно!»
И он прицелится в тебя.**

**Живет солдатик оловянный
предвестником больших разлук
и автоматик окаянный
боится выпустить из рук.**

**Живет защитник мой, невольно
сигнал к сраженью торопя.
Спроси его: «Тебе не больно!»
И он прицелится в тебя.**

1964

ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА

**В этом поле осколки как розги
по ногам атакующих бьют.**

**И колючие ржавые розы
в этом поле со звоном цветут.**

**И идет, не пристроившись к строю,
и задумчиво тычется в пыль
днем и ночью, верста за верстою
рядовой одноногий Костыль.**

**У полковника Смерти ошибки:
недостача убитых в гробах —
у солдат неземные улыбки
расцветают на пыльных губах.**

**Скоро-скоро случится такое:
уцелевший среди боя от ран,
вдруг запросит любви и покоя
удалой капитан Барабан.**

**И не зная, куда и откуда,
он пойдет, как ослепший на свет...
«Неужели вы верите в чудо!!» —
поперхнется поручик Кларнет.**

**Прав ли он, тот Кларнет изумленный,
возвышая свой голос живой
над годами уже не зеленой,
похоронной, сожженной травой!**

**Прав ли он, усомнившись в покое,
разрушая надежду окрест!..
Он, бывало, кричал не такое
под какой-нибудь венский оркестр.**

**Мы еще его вспомним, наверно,
где-то рядом с войною самой,
как он пел откровенно и нервно...
Если сами вернемся домой.**

**Мы еще его вспомним-помянем,
как передний рубеж и обоз...
Если сами до света дотянем,
не останемся здесь, среди роз.**

* * *

**От войны войны не ищут.
У войны слепой расчет:
там чужие пули рыщут,
там родная кровь течет.**

**Пулька в золотой сорочке
со свинцовым животом...
Нет на свете злей примочки,
да кого спросить о том!**

**Всем даруется победа,
не взаправду — так в душе.
Каждый смотрит на соседа,
а соседа нет уже.**

**Нас ведь создал бог для счастья
каждого в своем краю.
Отчего ж глухие страсти
злобно сводят нас в бою!**

**Вот и прерван век недолгий,
и летят со всех сторон
письма, словно треуголки
Бонапартовых времен.**

* * *

**Земля изрыта вкривь и вкось.
Ее, сквозь выстрелы и пенье,
я спрашиваю: «Как терпенье!
Хватает! Не оборвалось
выслушивать все наши бредни
о том, кто первый, кто последний!»**

**Она мне шепчет горячо:
«Я вас жалею, дурачье.
Пока вы топчетесь в крови,
пока друг другу глотки рвете,
я вся в тревоге и в заботе.
Изнемогаю от любви.**

**Зерно спалите — морем трав
взойду над мором и разрухой,
чтоб было чем наполнить брюхо,
покуда спорите, кто прав...»**

**Мы все — трибуны, смельчаки,
все для свершений народились,
а для нее — озорники,
что попросту от рук отбились.**

**Мы для нее как детвора,
что средь двора друг друга валит
и всяк свои игрушки хвалит...
Какая глупая игра!**

**Как же ты, сын кровожадного века,
бросив перчатку железной войне,
ангелом бился за жизнь человека,
если и нынче она не в цене!**

**Я не к тому ведь, что прочие страны
зря воспевают победы свои,
но согласитесь: приятны и странны
в этом краю вождельня сии.**

**Может быть, в беге столетий усталых
тоже захочется праведней жить,
может, и мы о своих генералах,
о генерал, будем так же судить.**

МЕДСЕСТРА МАРИЯ

**А что я сказал медсестре Марии,
когда обнимал ее!**

**— Ты знаешь, а вот офицерские дочери
на нас, на солдат, не глядят.**

**А поле клевера было под нами,
тихое, как река.**

**И волны клевера набегали,
и мы качались на них.**

**И Мария, раскинув руки,
плыла по этой реке.**

**И были черными и бездонными
голубые ее глаза.**

**И я сказал медсестре Марии,
когда наступил рассвет:**

**— Нет, ты представь: офицерские дочери
на нас и глядеть не хотят.**

1957

* * *

Строка из старого стиха слывет ненастоящей:
она растрочена уже да и к мольбам глуха.
Мне строчка новая нужна какая-нибудь послаще,
чтоб начиналось из нее течение стиха.

Текут стихи на белый свет из темени кромешной,
из всяких горестных сует, из праздников души.
Не извратить бы вещей смысл иной строкой поспешной.
Все остальное при тебе — мужайся и пиши.

Нисходит с неба благодать на кущи и на рощи,
струится дым из очага... И колея в снегу...
Мне строчка новая нужна какая-нибудь попроще,
а уж потом я сам ее украшу, как смогу.

Текут стихи на белый свет, и нету им замены,
и нет конца у той реки, пока есть белый свет.
Не о победе я моллю: победы все надменны,
а об удаче я моллю, с которой спроса нет.

Пугает тайною своей ночное бездорожье,
но избежать той черной мглы, наверно, не дано...
Мне строчка новая нужна какая-нибудь построже,
чтоб с ней предстать перед Тобой мне не было б грешно.

Текут стихи на белый свет рекою голубою
сквозь золотые берега в серебряную даль.
За каждый крик, за каждый вздох заплачено любовью —
ее все меньше с каждым днем, и этого не жаль.

* * *

Как наш двор ни обижали — он в классической поре.
С ним теперь уже не справиться,
хоть он и безоружен.

Там Володя во дворе,
его струны в серебре,
его пальцы золотые, голос его нужен.

Как с гитарой ни боролись —
распалялся струнный звон.
Как вино стихов ни портили —
все крепче становилось.

Кто сначала вышел вон,
кто потом украл вагон —
все теперь перемешалось, все объединилось.

Может, кто и ныне снова хрипоте его не рад,
может, кто намеревается подлить в стихи еляя...
Ведь и песни не горят,
они в воздухе парят,
чем им делают большее — тем они сильнее.

Что ж печалиться напрасно: нынче слезы лей не лей,
но запомним хорошенечко и повод, и причину...
Ведь мы воспели королей
от Таганки до Филей,
пусть они теперь поэту воздают по чину.

* * *

Ю. Киму

**Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик!
Едва твой гимн пространства огласит,
прислушаться — он от скорбей излечит,
а вслушаться — из мертвых воскресит.**

**Какой струны касаешься прекрасной,
что тотчас за тобой вступает хор
таинственный, возвышенный и страстный
твоих зеленых братьев и сестер!**

**Какое чудо обещает скоро
слететь на нашу землю с высоты,
что так легко, в сопровожденье хора,
так звонко исповедуешься ты!**

**Ты тоже из когорты стихотворной,
из нашего бессмертного полка.
Кричи и плачь. Авось твой труд упорный
потомки не оценят свысока.**

**Поэту настоящему спасибо,
руке его, безумию его
и голосу, когда, взлетев до хрипа,
он неба достигает своего.**

* * *

**Под Мамонтовкой жгут костры
бродяги иль студенты...
Ах, годы детства так пестры,
как кадры киноленты!**

**Еще не найдена стезя
меж адом и меж раем,
и все пока в живых друзья,
и мы в войну играем.**

**Еще придет пора разлук
и жажда побороться.
Еще все выпадет из рук —
лишь мелочь подберется.**

**Но это все потом, потом,
когда-нибудь, быть может.
И нету сведений о том,
что Время нам предложит.**

**Еще придет тот главный час
с двенадцатым ударом,
когда добром помянут нас
и проклянут задаром.**

**Еще повеет главный час
разлукой ледяною,
когда останутся у нас
лишь крылья за спиною.**

* * *

**Я выдумал музу Иронии
для этой суровой земли.
Я дал ей владенья огромные:
пари, усмехайся, шали.**

**Зевеса надменные дочери,
ценя первородство свое,
каких бы там умниц ни корчили —
не стоят гроша без нее.**

* * *

**Шарманка старая крутилась,
катилось жизни колесо.
Я пил вино за вашу милость
и за минувшее за все.**

**За то, что в прошлом не случилось
на бранном поле помереть,
а что разбилось — то разбилось,
зачем осколками звенеть!**

**Шарманщик был в пальто потертом,
он где-то в музыке витал.
Моим ладоням, к вам простертым,
значенья он не придавал.**

**Я вас любил, но клялся прошлым,
а он шарманку обнимал,
моим словам, земным и пошлым,
с тоской рассеянной внимал.**

**Текла та песня как дорога,
последних лет не торопя.
Все звуки были в ней от бога —
ни жалкой нотки от себя.**

**Но падали слова убого,
живую музыку губя:
там было лишь одно от бога,
все остальное — от себя.**

ДЕРЖАВИН

**Запах столетнего меда,
слова и золота вязь...
Оды державинской мода
снова в цене поднялась.**

**Сколько ценителей тонких,
сколько приподнятых крыл!..
Видишь, как зреет в потомках
имя твое, Гавриил!**

**Будто под светом вечерним
встало оно из земли...
Вот ведь и книжные черви
справиться с ним не смогли.**

**Стоит на миг оглянуться,
встретиться взором с тобой —
слышно: поэты клянутся
кровью твоей голубой.**

**Мнился уже обреченным
утлый огарок свечи...
Золото резче на черном.
Музыка звонче в ночи.**

**Гуще толпа у порога,
тверже под ними земля...
Нет, их не так уж и много.
Да ведь и всё от нуля.**

* * *

М. Козакову

Приносит письма письмоносец
о том, что Пушкин — рогоносец.
Случилось это в девятнадцатом столетье.
Да, в девятнадцатом столетье
влетели в окна письма эти,
и наши предки в них купались, словно дети.

Еще далече до дуэли.
В догадках ближние дурели.
Все созревало, как нарыв на теле... Словом,
еще последний час не пробил,
но скорбным был арапский профиль,
как будто создан был художником Лунёвым.

Я знаю предков по картинкам,
но их пристрастье к поединкам —
не просто жажда проучить и отличиться,
но в кажущейся жажде мести
преобладало чувство чести,
чему с пеленок пофартило им учиться.

**Загадочным то время было:
в понятие чести что входило!
Убить соперника и распрямиться сладко!
Но если дуло грудь искало,
ведь не убийство их ласкало...
И это все для нас еще одна загадка.**

**И прежде чем решать вопросы
про сплетни, козни и доносы
и расковыривать причины тайной мести,
давайте-ка отложим это
и углубимся в дух поэта,
поразмышляем о достоинстве и чести.**

* * *

**Читаю мемуары разных лиц.
Сопоставляю прошлого картины,
что удастся мне не без труда.
Из вороха распавшихся страниц
соорудить пытаюсь мир единый,
а из тряпья одежды обветшало —
блестательный ваш облик, господа.
Из полусгнивших кружев паутины —
вдруг аромат антоновки лежалой,
какие-то деревни, города,
а в них — разлуки, встречи, имянины,
родная речь и свадеб поезда;
сражения, сомнения, проклятья,
и кринолины, и крестьянок платья...
Как медуница перед розой алой —
фигуры ваших женщин, господа...
И не хватает мелочи, пожалуй,
чтоб слиться с этим миром навсегда.**

ДЕРЗОСТЬ, ИЛИ РАЗГОВОР ПЕРЕД БОЕМ

— Господин лейтенант, что это вы хмуры!

Аль не по сердцу вам ваше ремесло!

— Господин генерал, вспомнились амуры — не скажу, чтобы мне с ними не везло.

— Господин лейтенант, нынче не до шашней: скоро бой предстоит, а вы всё про баб!

— Господин генерал, перед рукопашной золотые деньки вспомнить хотя б.

— Господин лейтенант, не к добру все это! Мы ведь здесь для того, чтобы побеждать...

— Господин генерал, будет нам победа, да придется ли мне с вами пировать!

— На полях, лейтенант, кровию политых, расцветет, лейтенант, славы торжество...

— Господин генерал, слава для убитых, а живому нужней женщина его.

— Черт возьми, лейтенант, да что это с вами! Где же воинский долг, ненависть к врагу!!..

— Господин генерал, посудите сами: я и рад бы приврать, да вот не могу...

- Ну гляди, лейтенант, каяться придется!
Пускай счета с тобой трибунал сведет...
- Видно, так, генерал: чужой промахнется,
а уж свой в своего всегда попадет.

* * *

**Черный ворон сквозь белое облако глянет —
значит, скоро кровавая музыка грянет.
В генеральском мундире стоит дирижер,
перед ним — под машинку остриженный хор.
У него — руки в белых перчатках.
Песнопенье, знакомое с давешних пор,
возникает из слов непечатных.**

**Постепенно вступают штыки и мортиры —
значит, скоро по швам расползутся мундиры,
значит, скоро сподобимся есть за двоих,
забывать мертвецов и бояться живых,
прикрываться истлевшею рванью...
Лишь бы только не спутать своих и чужих,
то проклятья, то гимны горланя.**

**Разыгрался на славу оркестр допотопный.
Все наелись от пуза музыки окопной.
Дирижер дирижера спешит заменить.
Те, что в поле вповалку (прошу извинить),
с того ворона взоров не сводят,
и кого хоронить, и кому хоронить —
непонятно... А годы уходят.**

**Все кончается в срок. Лишней крови хватает.
Род людской ведь не сахар: авось не растает.
Двое живы (покуда их вексель продлен),
третий (лишний, наверно) в раю погребен,
и земля словно пух под лопатой...
А над ними с прадедовых самых времен —
черный ворон, во всем виноватый.**

СТАРЫЙ КОРОЛЬ

В поход на чужую страну собирался король.
Ему королева мешок сухарей насушила
и старую мантию так аккуратно зашила,
дала ему пачку махорки и в тряпочке соль.

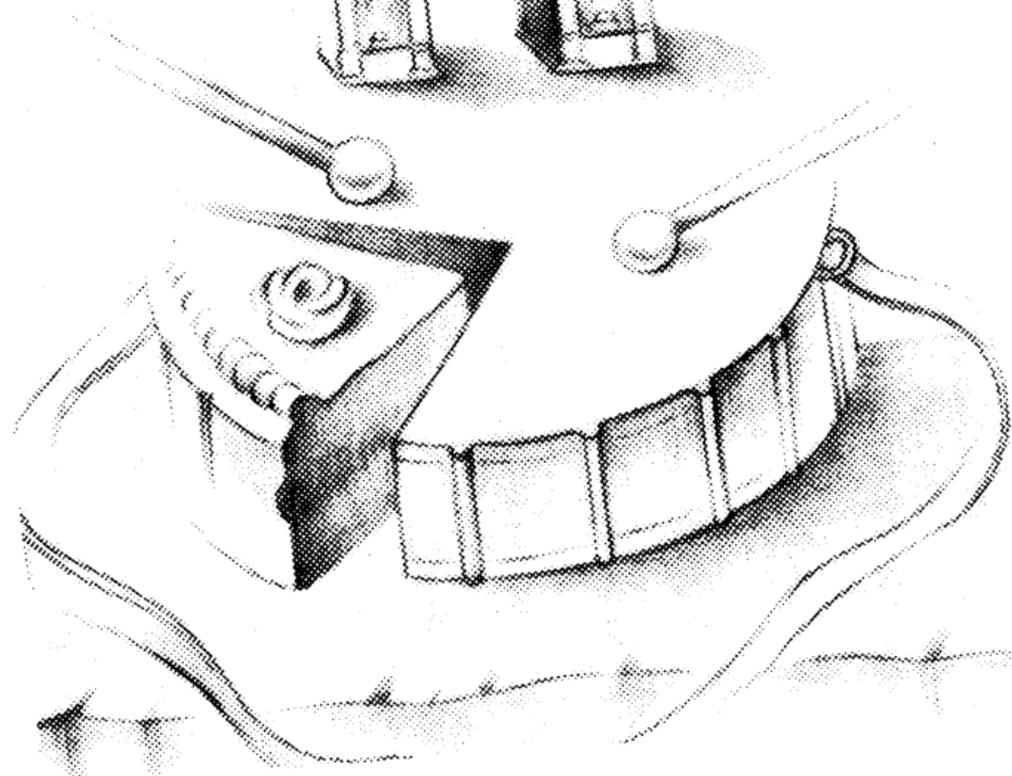
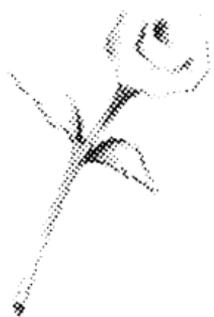
И руки свои королю положила на грудь,
сказала ему, обласкав его взором лучистым:
«Получше их бей, а не то просльвешь пацифистом,
и пряников сладких отнять у врага не забудь!»

И видит король — его войско стоит средь двора:
пять грустных солдат, пять веселых солдат и ефрейтор.
Сказал им король: «Не страшны нам ни пресса, ни ветер!
Врага мы побьем и с победой придем, и ура!»

И вот отгремело прощальных речей торжество.
В походе король свою армию переименовал:
веселых солдат интендантами сразу назначил,
а грустных оставил в солдатах — авось ничего.

**Представьте себе, наступили победные дни.
Пять грустных солдат не вернулись из схватки военной,
ефрейтор, морально нестойкий, женился на пленной,
но пряников целый мешок захватили они.**

**Играйте, оркестры! Звучите, и песни и смех!
Минутной печали не стоит, друзья, предаваться:
ведь грустным солдатам нет смысла живых оставить,
и пряников, кстати, всегда не хватает на всех.**

* * *

**Мне не хочется писать
ни стихов, ни прозы,
хочется людей спасать,
выращивать розы.**

**Плещется июльский жар,
воском оплывает,
первой розы красный шар
в небо уплывает.**

**Раскрываются цветы
сквозь душные травы
из пчелиной суеты
для чести и славы.**

**За окном трещит мороз
дикий, оголтелый —
расцветает сад из роз
на бумаге белой.**

**Пышет жаром злая печь,
лопаются плитки,
соскользают с гордых плеч
лишние накидки.**

**И впадают не впадут
то в смех, а то в слезы
то березы аромат,
то дыханье розы.**

**То раскидистая тень,
то крови кипенье,
рифма «лень» и рифма «пень»,
пень и терпенье...**

* * *

**По какой реке твой корабль плывет
до последних дней из последних сил!
Когда главный час мою жизнь прервет,
вы же спросите: для чего я жил!**

**Буду я стоять перед тем судом —
голова в огне, а душа в дыму...
Моя родина — мой последний дом,
все грехи твои на себя приму.**

**Средь стерни и роз, среди войн и слез
все твои грехи на себе я нес.
Может, жизнь моя и была смешна,
но кому-нибудь и она нужна.**

ДУНАЙСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Оле

Как бы мне сейчас хотелось в Вилкове вдруг очутиться!

Там — каналы, там — гондолы, гондольеры.

Очутиться, позабыться, от печалей отшутиться:
ими жизнь моя отравлена без меры.

Там побеленные стены и фундаменты цветные,
а по стенам плющ клубится для оправы.

И лежат на солнцепеке безопасные, цепные,
показные, пожилые волкодавы.

Там у пристани танцуют жок, а может быть, сиртаки:
сыновой своих в солдаты провожают.

Всё надеются: сгодятся для победы, для атаки,
а не хватит — сколько надо, нарожают.

Там опять для нас с тобою дебаркадер домом служит.
Мы гуляем вдоль Дуная, рыбу удим.

И объятья наши жарки, и над нами ангел кружит
и клянется нам, что счастливы мы будем.

Как бы мне сейчас хотелось очутиться в том, вчерашнем,
быть влюбленным и не думать о спасенье,
пить вино из черных кружек, хлебом заедать домашним,
чтоб смеялась ты и плакала со всеми.

Как бы мне сейчас хотелось ускользнуть туда, в начало,
к тем ребятам уходящим приобщиться.
И с тобою так расстаться у дунайского причала,
чтоб была еще надежда воротиться.

* * *

**От нервов ли, от напряженья,
от жизни, что вся наугад,
мне слышится крови движенье,
как будто далекий набат.**

**Мне слышится пламени рокот.
Пожар полыхает земной.
И тут ни багры не помогут,
ни струи воды ледяной.**

**Сокрытый от праведных взоров,
разлит, словно море, в душе,
и бравая брань бригадиров,
увы, бесполезна уже.**

**Он с каждой минутой все пуще,
все явственней он и слышней
над лесом, над лугом, над пущей,
над улицей жизни моей.**

✻ ✻ ✻

**Сажу на опушке лесной,
гляжу на цветы луговые.
Вот венчик ромашки резной,
ее лепестки роковые.**

**Отсчитаны нечет и чет,
и силы земные початы,
и грозное время течет,
не зная ни сна, ни пощады.**

**Вот знойный горит горицвет.
Осоки блистанье стальное...
В душе моей горе и свет,
а там уж — и все остальное.**

* * *

**Все забуду про тревогу,
про пожары и про лед.
Все припомню понемногу,
когда времечко придет.**

**Все оставлю за порогом,
чтоб резвиться без хлопот.
Все сойдется в доме строгом,
когда времечко придет.**

**Все, что, кажется, бесплодно
разбазариваем мы,
когда времени угодно,
вдруг проявится из тьмы.**

**Никому уже не вычесть
из реестра своего
пусть ничтожных тех количеств,
что пришлось на одного.**

**Пусть, хоть много или мало,
составляющих судьбу,
без которых не пристало
место занимать в гробу.**

* * *

**Все глуше музыка души,
все звонче музыка атаки.
Но ты об этом не спеши:
не обмануться бы во мраке,
что звонче музыка атаки,
что глуше музыка души.**

**Чем громче музыка атак,
тем слаще мед огней домашних.
И это было только так
в моих скитаниях вчерашних:
тем слаще мед огней домашних,
чем громче музыка атак.**

**Из глубины ушедших лет
еще вернее, чем когда-то,—
чем звонче музыка побед,
тем горше каждая утрата,
еще вернее, чем когда-то,
из глубины ушедших лет.**

**И это все у нас в крови,
хоть этому не обучали:**

**чем выше музыка любви,
тем громче музыка печали,
чем громче музыка печали,
тем чище музыка любви.**

МОЕ ПОКОЛЕНЬЕ

**Всего на одно лишь мгновенье
раскрылись две створки ворот,
и вышло мое поколение
в свой самый последний поход.**

**Да, вышло мое поколение,
усталые сдвоив ряды.
Непросто, наверно, движенье
в преддверии новой беды.**

**Да, это мое поколение,
и знамени скромн наряд,
но риск, и любовь, и терпенье
на наших погонах горят.**

**Гудят небеса грозовые,
сливаются слезы и смех.
Все — маршалы, все — рядовые,
и общая участь на всех.**

ЧЕРНЫЙ «МЕССЕР»

**Вот уже который месяц
и уже который год
прилетает черный «мессер»—
спать спокойно не дает.**

**Он в окно мое влетает,
он по комнате кружит,
он как старый шмель рыдает,
мухой пойманной жужжит.**

**Грустный летчик как курортник..
Его темные очки
прикрывают, как намордник,
его томные зрачки.**

**Каждый вечер, каждый вечер
у меня штурвал в руке,
я лечу к нему навстречу
в довоенном «ястребке».**

**Каждый вечер в лунном свете
торжествует мощь моя:
я, наверное, бессмертен,
Он сдается, а не я.**

**Он пробитыми мечен,
он сгорает, подожжен,
Но приходит новый вечер,
и опять кружится он.**

**И опять я вылетаю,
побеждаю, и опять
вылетаю, побеждаю...
Сколько ж можно побеждать!**

1961

* * *

**Ах, оркестры духовые,
голоса победные!
Наши судьбы роковые,
а надежды бедные.**

**Ах, оркестрики-оркестры,
мы на все готовы.
Провожают нас невесты,
а встречают вдовы.**

ПРИМЕТА

А. Жигулину

**Если ворон в вышине,
дело, стало быть, к войне.**

**Чтобы не было войны,
надо ворона убить.
Чтобы ворона убить,
надо ружья зарядить.**

**А как станем заряжать,
всем захочется стрелять.
Ну а как стрельба пойдет,
пуля дырочку найдет.**

**Ей не жалко никого,
ей попасть бы хоть в кого,
хоть в чужого, хоть в свово...
Во и боле ничего.**

**Во и боле ничего.
Во и боле никого.
Кроме ворона того:
стрельнуть некому в него.**

ПРОВОДЫ У ВОЕНКОМАТА

Б. Биргеру

**Вот оркестр духовой. Звук медовый.
И пронзителен он так, что — ах...
Вот и я, молодой и бедовый,
с черным чубчиком, с болью в глазах.**

**Машут ручки нелепо и споро,
крики скорбные тянутся вслед,
и безумцем из черного хора
нарисован грядущий сюжет.**

**Жизнь музыкой бравурной объята —
все о том, что судьба пополам,
и о том, что не будет возврата
ни к любви и ни к прочим делам.**

**Раскаляются медные трубы —
превращаются в пламя и дым.
И в улыбке растянуты губы,
чтоб запомнился я молодым.**

* * *

**Старики умирать не боятся.
Им героически погибнуть не труд.
Только нечего зря распалиться:
все равно их на фронт не берут.**

**Умирают в боях молодые,
хоть не хочется им умирать,—
лишь надежды свои золотые
оставляют меж нами витать.**

**И бесшумная их эскадрилья
наводняет и полдень и мрак...
Тени черные, белые крылья,
и от глаз не укрыться никак.**

* * *

**Не сольются никогда зимы долгие и лета:
у них разные привычки и совсем несхожий вид.
Не случайны на земле две дороги — та и эта,
та натруживает ноги, эта душу бередит.**

**Эта женщина в окне в платье розового цвета
утверждает, что в разлуке невозможно жить без слез,
потому что перед ней две дороги — та и эта,
та прекрасна, но напрасна, эта, видимо, всерьез.**

**Хоть разбейся, хоть умри — не найти верней ответа,
и куда бы наши страсти нас с тобой ни завели,
неизменно впереди две дороги — та и эта,
без которых невозможно, как без неба и земли.**

ПАМЯТИ БРАТА МОЕГО ГИВИ

**На откосе, на обрыве
нашей жизни удалой
ты не удержался, Гиви,
стройный, добрый, молодой.**

**Кто столкнул тебя с откоса,
не сказав тебе «прощай»,
будто рюмочку — с подноса,
будто вправду невзначай!**

**Мы давно отвоевали.
Кто же справился с тобой!
Рок ли, время ли, молва ли,
вождь ли, мертвый и рябой!**

**Он и нынче, как ни странно —
похоронен и отпет —
усмехается с экрана,
а тебя в помине нет.**

**Стих на сопках Магадана
лай сторожевых собак,
но твоя большая рана
не рубцуется никак.**

**И кого теперь с откоса
по ранжиру за тобой!..
Спи, мой брат беловолосый,
стройный, добрый, молодой.**

1984

* * *

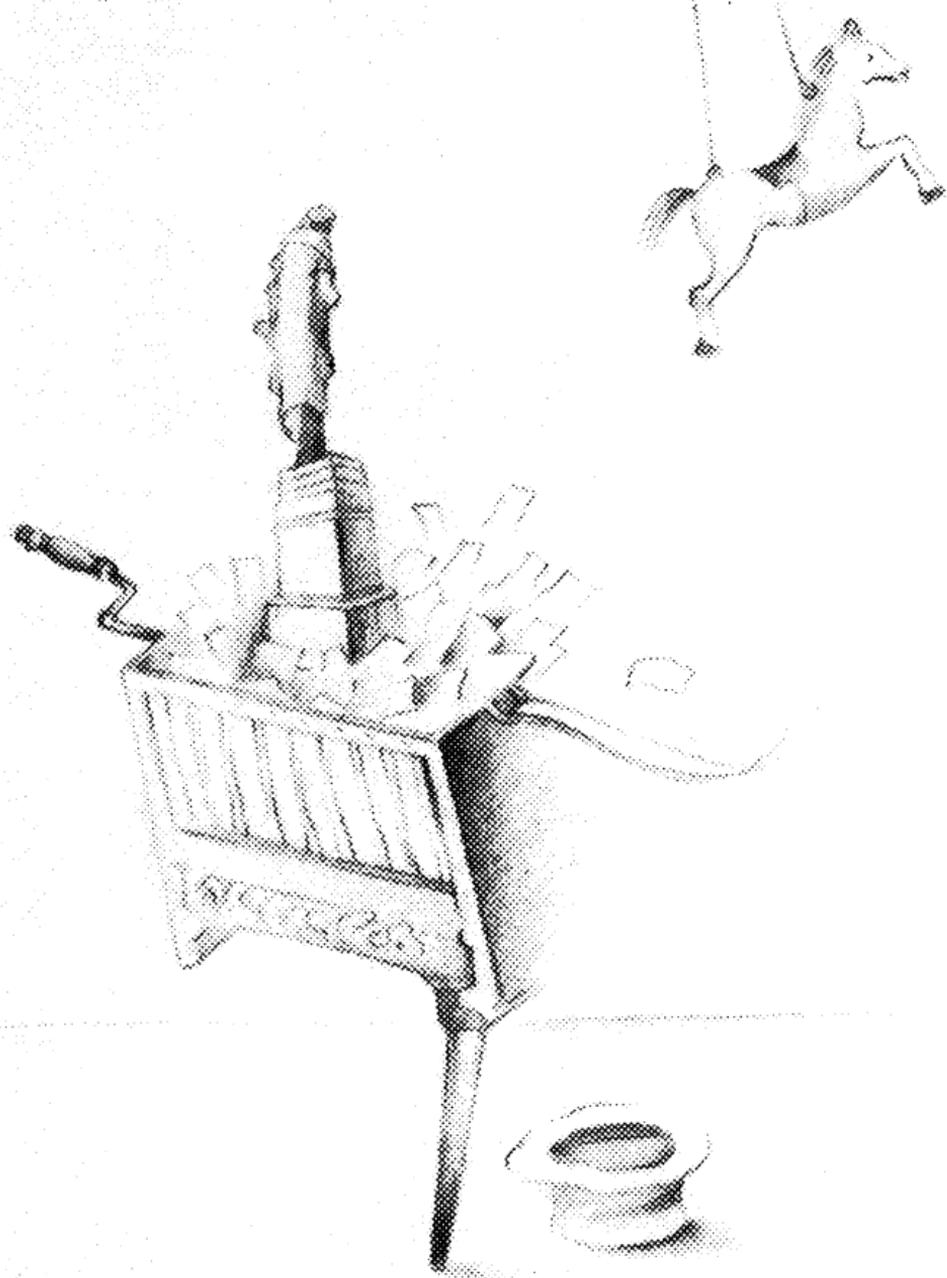
А. Кушнеру

**Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.
Они словно птицы на ветках,
и мне непонятна их речь.**

**Живут в небесах мои бабки
и ангелов кормят с руки.
На райское пение падки,
на доброе слово легки.**

**Не слышно им плача и грома,
и это уже на века.
И нет у них отчего дома,
а только одни облака.**

**Они в кринолины одеты.
И льется божественный свет
от бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет.**

* * *

**Сколько сделано руками удивительных красот!
Но рукам пока далече до пронзительных высот,
до божественной, и вечной, и нетленной красоты,
что соблазном к нам стекает с недоступной высоты.**

* * *

В. Фогельсону

**Витя, сыграй на гитаре,
на семиструнной такой,
если, конечно, в ударе,
если она под рукой.**

**Дай я чехол с нее скину
и как букет поднесу...
Было: свистели нам в спину,
будто бы в позднем лесу.**

**Этого долгого свиста
нету в помине уже.
Нынче мы все гитаристы —
не наяву, так в душе.**

**Пальцы притронулись к первой,
тихо откликнулась медь...
...Только бы нотки неверной
нам невзначай не пропеть.**

**Пальцы касаются баса,
будто в струне той изъян...
...И до последнего часа
буду я верен друзьям.**

**Пальцы по всем заскользили,
трели сливая и гром...
...Тех, что добры с нами были,
брат мой, помянем добром.**

**Витя, сыграй на гитаре,
на семиструнной такой,
если, конечно, в ударе,
если она под рукой.**

* * *

Ф. Искандеру

**Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет.
Что назначено судьбою — обязательно случится:
то ли самое прекрасное в окошко постучится,
то ли самое напрасное в объятия упадет.**

**Так не делайте ж запасов из любви и доброты
и про черный день грядущий не копите милосердые:
пропадет ни за понюшку ваше горькое усердые,
лягут ранние морщины от напрасной суеты.**

**Жаль, что молодость мелькнула, жаль, что старость
коротка.
Все теперь как на ладони: лоб в поту, душа в ушибах...
Но зато уже не будет ни загадок, ни ошибок —
только ровная дорога до последнего звонка.**

КАБИНЕТЫ МОИХ ДРУЗЕЙ

**Что-то дождичек удач падает не часто.
Впрочем, жизнью и такой стоит дорожить.
Скоро все мои друзья выбьются в начальство,
и, наверно, мне тогда станет легче жить.**

**Робость давнюю свою я тогда осилю.
Как пойдут мои дела — можно не гадать:
зайду к Юре в кабинет, загляну к Фазилю,
и на сердце у меня будет благодать.**

Зайду к Белле в кабинет, скажу:

«Здравствуй, Белла!»

**Скажу: «Дело у меня, помоги решить...»
Она скажет: «Ерунда, разве это дело!...»
И конечно, сразу мне станет легче жить.**

**Часто снятся по ночам кабинеты эти,
не сегодняшние, нет; завтрашние, да:
самовары на столе, дама на портрете...
В общем, стыдно по пути не зайти туда.**

**Города моей страны все в леса одеты,
звук пилы и топора трудно заглушить:
может, это для друзей строят кабинеты —
вот построят, и тогда станет легче жить.**

1974

* * *

**На полотне у Аллы Беляковой,
где темный сад немного бестолковый,
где из окна, дразня и завораживая,
выплескивается пятно оранжевое,
где все имеет первозданный вид
и ветви как зеленая оправа,
где кто-то бодрствует, а кто-то спит
в том домике, изображенном справа,—
там я бываю запросто в гостях,
и надобности нет о новостях
выспрашивать дотошно и лукаво.**

**По лесенке скрипучей в сад схожу
и выгляжу, быть может, даже хмурым;
потом сажусь и за столом сижу
под лампою с зеленым абажуром.
Я на виду, я чем-то удручен,
а может, восхищен, но, тем не мене,
никто, никто не ведает,
о чем
я размышляю в данное мгновенье.**

совсем один в той странной тишине,
которую вселенная объята...
И что-то есть, наверное, во мне
от старого глехо¹ и от Сократа.

---

¹ Г л е х о — крестьянин (груз.).

* * *

А. Володину

**Что-то знает Шура Лифшиц:
понапрасну слез не льет.
В Петербургский смог зарывшись,
зерна истины клюет.**

**Так устроившись удобно
среди каменных громад,
впитывает он подробно
этих зерен аромат.**

**Он вонзает ноги прочно
в почвы лета и зимы,
потому что знает точно
то, о чем тоскуем мы.**

**Жар души не иссякает.
Расслабляться не пора...
Слышно: времечко стекает
с кончика его пера.**

ГИМН УЮТУ

А. Пугачевой

**Слава и честь самовару —
первенцу наших утех!
Но помяну и гитару —
главную даму из всех.**

**Вот он — хозяин уюта,
золотом светится медь.
Рядом — хозяйка, как будто
впрямь собирается спеть.**

**Он запыхтит, затрясется,
выбросит пар к потолку —
тотчас она отзовется
где-нибудь здесь, в уголку.**

**Он не жалеет водицы
в синие чашки с каймой —
значит, пора насладиться
пеньем хозяйки самой.**

**Бог не обидел талантом,
да и хозяин, как бог,
вторит хозяйке дискантом,
сам же глядит за порог:**

**там, за порогом, такое,
что не опишешь всего...
Царствуй, хозяин покоя:
праведней нет ничего.**

**Слава и честь самовару!
Но не забудем, о нет,
той, что дана ему в пару,
талию и силуэт.**

**Врут, что она увядает.
Время ее не берет.
Плачет она и сгорает,
снова из пепла встает.**

**Пой же, и все тебе будет:
сахар, объятья и суд,
и проклянут тебя люди,
и до небес вознесут.**

**Пойте же, будет по чести
воздано вам за уют...
Вот и поют они вместе,
плачут и снова поют.**

* * *

**Благородные жены безумных поэтов,
от совсем молодых до старух,
героини поэм, и молвы, и куплетов,
обжигающих сердце и слух.**

**Вы провидицы яви, рожденной в подушках,
провозвестницы света в ночи,
ваши тувельки стоптаны на побегушках...
Вы и мужнины, вы и ничьи.**

**Благородные жены поэтов безумных,
как же мечетесь вы, семена
в коридорах судьбы, бестолковых и шумных,
в ожидании лучшего дня!**

**И распахнуты крылья любви вековые,
и до чуда рукою подать,
но у судеб финалы всегда роковые,
и соперницы чуду под стать.**

**Благородных поэтов безумные жены,
не зарекшись от тьмы и сумы,
ваши души сияют, как факел зажженный,
под которым блаженствуем мы.**

**В этом мире, изученном нами и старом,
что ж мы видим, спадая с лица!
Как уродец, согретый божественным даром,
согревает и ваши сердца.**

**Но каким бы он в жизни ни был безобразным,
слышим мы из угла своего,
как молитвы возносите вы ежечасно
за бессмертную душу его.**

**И когда он своею трепещущей ручкой
по бумаге проводит пером,
слышу я: колокольчик гремит однозвучный
на житейском просторе моем.**

Восхищенность вашим сердцем, вашим светом,
нерастраченным теплом
мне вручило провиденье этим летом,
как последний мой диплом.

Ах, не очень торопливо {не взыщите,
что пути иного нет}
я готовился к последней той защите
пять десятков с лишним лет.

Но за окнами — все новые пейзажи
и природа уж не та!..
Все уходит. Исчезают даже
голос ваш и красота.

Лишь трамвай, в свои пространства уползая,
в новом видится окне.
Он оставлен с тех времен как память злая
и о вас, и обо мне.

* * *

**Дама ножек не замочит,
друг мараться не захочет,
и на свалку спишет старый двор.
Защитите его, струны,
от изменчивой фортуны.
Наша жизнь — короткий разговор.**

**Что ж вы дремлете, ребята:
ведь осколки — от Арбата!
А какая улица была!
Разрушители гурьбою
делят лавры меж собою.
Вот какие в городе дела.**

**Ни золота и ни хлеба
ни у черта, ни у неба,
но прошу я без обиняков:
ты укрой меня, гитара,
от смертельного удара,
от московских наших дураков.**

**Пусть мелодия простая,
но, из сердца вырастая,
украшает наше ремесло.
Ты прости меня, гитара,
может, я тебе не пара,
просто мне с тобою повезло.**

✧ ✧ ✧

**Над глубиной бездонных вод,
над атлантической громадой
взлетает солнечный восход,
рожденный райской канонадой.**

**Внизу — Европа в облаках,
а тут — пушкарь. Он знает дело:
горит фитиль в его руках —
и птица райская взлетела.**

**Гордись, пушкарь, своей судьбой —
глашатай света и свободы,—
покуда спорят меж собой
внизу эпохи и народы.**

**Пока твой свет с собой зовет,
пока чисты твои одежды...
Ведь что мы без твоих щедрот,
без покаянья и надежды!**

**Распахнуты дома. Безмолвны этажи.
Спокойным сном охвачены квартиры.
Но к зимней печке ухо приложи —
гудят за кладкою mortarы.**

**Гуляет тихий вечер по земле,
беспечный... Но в минуту роковую
толченый перец в склянке на столе
готов напомнить пыль пороховую.**

**Стоит июль во сей своей красе.
За поворотом женщина смеется,
но шаг — и стратегическим шоссе
тропинка к дому обернется.**

**По улицам, сливая голоса,
неотличимы брат от брата,
текут и строятся полки и корпуса,
которым не даровано возврата.**

**Где родились мы! Под звездой какой!
Какие нам определяют силы
носить в себе и ярость, и покой,
и жажду жить, и братские могилы!**

ПАМЯТИ ОБУХОВОЙ

Е. Камбуровой

**Когда б вы не спели тот старый романс,
я верил бы, что проживу и без вас,
и вы бы по мне не печалились и не страдали.
Когда б вы не спели тот старый романс,
откуда нам знать, кто счастливей из нас!
И наша фортуна завиднее стала б едва ли.**

**И вот вы запели тот старый романс,
и пламень тревоги, как свечка, угас.
А надо ли было, чтоб сник этот пламень тревоги!
И вот вы запели тот старый романс,
но пламень тревоги, который угас,
опять разгорелся, как поздний костер у дороги.**

**Зачем же вы пели тот старый романс!
Неужто всего лишь, чтоб боль улеглась!
Чтоб боль улеглась, а потом чтобы вспыхнула
снова!**

**Зачем же вы пели тот старый романс!
Он словно судьба расплескался меж нас,
всё, капля по капле, и так до последнего слова.**

Когда б вы не спели тот старый романс,
о чем бы я вспомнил в последний свой час,
ни сердца, ни голоса вашего не представляя!
Когда б вы не спели тот старый романс,
я умер бы, так и не зная о вас,
лишь черные даты в тетради души проставляя.

* * *

На полянке разминаются оркестры духовые
и играют марш известный неизвестно для чего.
Мы пока еще все целы, мы куда все живые,
а когда нагрянет утро — там посмотрим кто кого.

И ефрейтор одинокий шаг высокий отбивает,
у него глаза большие, у него победный вид...
Но глубоко, так глубоко, просто глубже не бывает,
он за пазухою письма треугольные хранит.

Лейтенантик молодой (он назначен к нам комбатом)
смотрит в карту полевою, верит в чудо и в успех.
А солдат со мною рядом называет меня братом:
кровь, кипящая по жилам, нынче общая для всех.

Смолкли гордые оркестры — это главная примета.
Наготове все запасы: крови, брони и свинца...
Сколько там минут осталось... три-четыре до рассвета,
три-четыре до победы... три-четыре до конца.

* * *

**О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой,
когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой!
Как будто шагнул я со сцены в полночный московский уют,
где старым арбатским ребятам бесплатно судьбу раздают.**

**По-моему, все распрекрасно, и нет для печали причин,
и грустные те комиксары идут по Москве как один,
и нету, и нету погибших средь старых арбатских ребят,
лишь те, кому нужно, уснули, но те, кому надо, не спят.**

**Пусть память — нелегкая служба, но все повидала Москва,
и старым арбатским ребятам смешны утешений слова.**

1957

* * *

**Поэтов травили, ловили
на слове, им сети плели;
куражась, корнали им крылья,
бывало, и к стенке вели.**

**Наверное, от сотворенья,
от самой седой старины
они как козлы отпущенья
в скрижалях земных учтены.**

**В почете, и все ж на учете,
и признанны, но до поры...
Вот вы рядом с ними живете,
а были вы с ними добры!**

**В трагическом их государстве
случалось и празднествам быть,
и все же бунтарство с мытарством
попробуй от них отделить.**

**Им разные тракты клубили,
но все ж в переделке любой
глядели они голубыми
за свой горизонт голубой.**

**И слова рожденного сладость
была им превыше, чем злость.
А празднества — это лишь слабость
минутная. Так повелось.**

**Я вовсе их не прославляю.
Я радуюсь, что они есть.
О, как им смешны, представляю,
посмертные тосты в их честь.**

* * *

**Почему мы исчезаем,
превращаясь в дым и пепел,
в глинозем, в солончаки,
в дух, что так неосязаем,
в прах, что выглядит нелепым,
нытики и остряки!**

**Почему мы исчезаем
так внезапно, так жестоко,
даже слишком, может быть!
Потому что притязаем,
докопавшись до истока,
миру истину открыть.**

**Вот она в руках как будто,
можно, кажется, потрогать,
свет ее слепит глаза...
В ту же самую минуту
Некто нас берет под локоть
и уводит в небеса.**

**Это так несправедливо,
горько и невероятно —
невозможно осознать:**

**был счастливым, жил красиво,
но уже нельзя обратно,
чтоб по-умному начать.**

**Может быть, идущий следом,
зная обо всем об этом,
изберет надежней путь!
Может, новая когорта
из людей иного сорта
изловчится как-нибудь!**

**Все чревато повтореньем.
Он, объятый вдохновеньем,
зорко с облака следит.
И грядущим поколениям,
обожженным нетерпеньем,
тоже э т о предстоит.**

* * *

**Над площадью базарною
вечерний дым разлит.
Мелодией азартною
весь город с толку сбит.**

**Еврей скрипит на скрипочке
о собственной судьбе,
а я тянусь на цыпочки
и плачу о себе.**

**Снует смычок по площади,
подкрадываясь к нам,
все музыканты прочие
укрылись по домам.**

**Все прочие мотивчики
не стоят ни гроша,
покуда здесь счастливики
толпятся чуть дыша.**

**Какое милосердие
являет каждый звук,
а каково усердие
лица, души и рук,**

**как плавно, по-хорошему
из тьмы исходит свет,
да вот беда: от прошлого
никак спасенья нет.**

* * *

**Давайте придумаем деспота,
чтоб в душах царил он один
от возраста самого детского
и до благородных седин.**

**Усы ему вырастим пышные
и хищные вставим глаза,
сапожки натянем неслышные,
и проголосуем все — за.**

**Давайте придумаем деспота,
придумаем, как захотим.
Потом будет спрашивать не с кого,
коль вместе его создадим.**

**И пусть он над нами куражится
и пальцем грозит из тьмы,
пока наконец не окажется,
что с а м и им созданы мы.**

* * *

**Отчего ты печален, художник —
живописец, поэт, музыкант!
На какую из бурь невозможных
ты растратил свой гордый талант!**

**На каком из отрезков дороги
растерял ты свои медяки!
Все надеялся выйти в пророки,
а тебя занесло в должники.**

**Словно эхо поры той прекрасной,
словно память надежды былой —
то на Сретенке профиль твой ясный,
то по Пятницкой шаг удалой.**

**Так плати из покуда звенящих,
пот и слезы стирая со щек,
за истертые в пальцах дрожащих
холст и краски, перо и смычок.**

* * *

**Клубничины сорваны с грядки.
Они треугольны и сладки.
Белеют внутри семена —
придут еще их времена.**

**Но, прежде чем кануть в забвенье,
свершают они омовенье
под каплями чистой росы
в рассветные эти часы.**

**Душисты бока их тугие,
мундиры на них дорогие,
расшиты они в пух и прах
с узорами на обшлагах.**

**Их жаркая почва рождает,
их музыка сопровождает,
вливает в них пламя свое...
Да жаль: мы не слышим ее.**

* * *

**Мне не в радость этот номер,
телевизор и уют.
Видно, надо, чтоб я помер —
все проблемы отпадут.**

**Ведь они мои, и только.
Что до них еще кому!
Для чего мне эта койка —
на прощание пойму.**

**Но когда за грань покоя
преступлю я налегке,
крикни что-нибудь такое
на грузинском языке.**

**Крикни громче, сделай милость,
чтоб на миг поверил я,
будто это лишь приснилось:
смерть моя и жизнь моя.**

По Грузинскому валу воинственно ставя носок,
ты как будто в полете, и твой золотой голосок
в простодушные уши продрогших прохожих струится.
Но хотя он возвышен, и ярок, и чист, и высок,
не успеешь моргнуть — а уже просочился в песок,
и другими уже голосами гордится столица.

Как чиновна она, неприступна она, брат, с крыльца,
и не сходит уже позолота с ее, брат, лица,
так что в тесном квадрате двора поспевай, брат, вертеться.
Где уж годы беречь, если сыплются дождичком дни,
и тяжки и горьки, как свинцовые пульки они,
и ложатся один за другим возле самого сердца.

И Фортуна твоя, подбоченясь, глядит из окна,
ослепленная мыслью, что ей перспектива видна
меж домов и дворов... Будто это и есть перспектива

И дорога твоя от рожденья — то мир, то война,
и привычные с детства горят вдоль нее письма:
то «Вернись!», то «Ступай!», то «Прости!»,

то «Прощай!», то «Счастливо!».

По Грузинскому валу к финалу рабочего дня,
заломив козырек, ошалев от обид и вранья,
независимый облик храня, прогуляться неплохо...
Навостриться бы мне разводить своих братьев плечом,
научиться бы мне, чтобы так не жалеть ни о чем,
да, как видно, уже не успеть до последнего вдоха.

* * *

**Вот музыка та, под которую
мне хочется плакать и петь.
Возьмите себе оратории,
и дробь барабанов, и медь.
Возьмите себе их в союзники
легко, до скончания дней...
Меня же оставьте с той музыкой:
мы будем беседовать с ней.**

* * *

**В нашей жизни, прекрасной и странной,
и короткой, как росчерк пера,
над дымящейся свежее раной
призадуматься, право, пора.**

**Призадуматься и присмотреться,
поразмыслить, покуда живой,
что там кроется в сумерках сердца,
в самой черной его кладовой.**

**Пусть твердят, что дела твои плохи,
но пора научиться, пора
не вымаливать жалкие крохи
милосердия, правды, добра.**

**Но пред ликом суровой эпохи,
что по-своему тоже права,
не выжувать жалкие крохи,
а творить,
засучив рукава.**

* * *

**У поэта соперников нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.**

**Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас — за себя.**

**Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.**

**То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Все, что было его,— нынче ваше.
Всё для вас. Посвящается вам.**

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве	3
«Как время беспощадно...»	6
«Чувствую: пора прощаться...»	7
«С последней каланчи, в Сокольниках стоящей...»	9
Воспоминание о Дне Победы	11
«Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых...»	12
«Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал...»	13
«После дождичка небеса просторны...»	14
Душевный разговор с сыном	15
Песенка	17
Работа	18
«В день рождения подарок преподнес я сам себе...»	20
«У Спаса на кружке забыто наше детство...»	21
«Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...»	22
Краткая автобиография	24
Мой отец	25
«Убили моего отца...»	26
Письмо к маме	28
«Стоит задремать немного...»	30
«Ну что, генералиссимус прекрасный...»	32
«Собрался к маме — умерла...»	33
«Не слишком-то изыскан вид за окнами...»	34
Звездочет	36
«Как мне нравится по Пятницкой в машине проез- жать!..»	38
«Переулок Божественным...»	39
«Гомон площади Петровской...»	41
Сентябрь	43

«В чаду кварталов городских...»	45
«Я умел не обольщаться...»	47
«Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?..	48
Мой почтальон	49
«Сестра моя прекрасная, Натела...»	50
Детство	51
Оловянный солдатик моего сына	53
Из фронтового дневника	55
«От войны войны не ищут...»	57
«Земля изрыта вкривь и вкось...»	58
«Все утрясается мало-помалу...»	59
Медсестра Мария	61
«Строка из старого стиха слывет ненастоящей...»	62
«Как наш двор ни обижали...»	64
«Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?...» .	65
«Под Мамонтовкой жгут костры...»	66
«Я выдумал музу Иронии...»	68
«Шарманка старая крутилась...»	69
Державин	71
«Приносит письма письмоносец...»	73
«Читаю мемуары разных лиц...»	75
Дерзость, или Разговор перед боем	76
«Черный ворон сквозь белое облако глянет...» .	78
Старый король	80
«Мне не хочется писать...»	83
«По какой реке твой корабль плывет...»	85
Дунайская фантазия	86
«От нервов ли, от напряженья...»	88
«Сижу на опушке лесной...»	89
«Все забуду про тревогу...»	90
Все глуше музыка души	91
Мое поколение	93
Черный «мессер»	94
«Ах, оркестры духовые...»	96
Примета	97
Проводы у военкомата	98
«Старики умирать не боятся...»	99

«Не сольются никогда зимы долгие и лета...» . . .	100
Памяти брата моего Гиви	101
«Хочу воскресить своих предков...»	103
«Сколько сделано руками удивительных красот!»	105
«Витя, сыграй на гитаре...»	106
«Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет...»	108
Кабинеты моих друзей	109
«На полотне у Аллы Беляковой...»	110
«Что-то знает Шура Лифшиц...»	112
Гимн уюту	113
«Благородные жены безумных поэтов...» . . .	115
«Восхищенность вашим сердцем, вашим светом...»	117
«Дама ножек не замочит...»	118
«Над глубиной бездонных вод...»	120
«Распахнуты дома. Безмолвны этажи...» . . .	121
Памяти Обуховой	122
«На полянке разминаются оркестры духовые...» .	124
«О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой...»	125
«Поэтов травили, ловили...»	126
«Почему мы исчезаем...»	128
«Над площадью базарною...»	130
«Давайте придумаем деспота...»	132
«Отчего ты печален, художник...»	133
«Клубничины сорваны с грядки...»	134
«Мне не в радость этот номер...»	135
«По Грузинскому валу воинственно ставя носок...»	136
«Вот музыка та, под которую...»	138
«В нашей жизни, прекрасной и странной...» .	139
«У поэта соперников нету...»	140

Булат Шалвович Окуджава

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВАМ

Редактор В. С. ФОГЕЛЬСОН

Художественный редактор Д. С. МУХИН

Технический редактор Т. С. КАЗОВСКАЯ

Корректор М. Б. СОРОКИНА

ИБ № 6303

Сдано в набор 13.07.88. Подписано к печати 26.09.88. А 05409. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Журнальная рубленая гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 3,22. Тираж 200 000 экз. (2-й з-д 100 001—200 000 экз.). Заказ № 550. Цена 40 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.

Окуджава Б. Ш.

О-52 Посвящается вам: Стихи.— М.: Советский писатель, 1988.—144 с.
ISBN 5—265—00044—5

Новую свою книгу Булат Окуджава составил из стихотворений, еще не издававшихся. Большинство из них написано в последние годы, однако есть здесь и стихи, сочиненные давно, но не известные читателям.

4702010202—381

О ————— **221—88**

ББК 84 Р7

083(02)—88

40 к.

